

Павел Шушканов

Ведьмин дом

повесть

Павел Шушканов

Ведьмин дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69869116

SelfPub; 2024

Аннотация

Молодой священник приезжает в глухое село, чтобы восстановить старый храм и приход. Но в первый же день он понимает, что жизнь в забытом поселке течет по странным правилам, установленным поколениями ссылаемых сюда ведьм. Невольно он становится участником и свидетелем череды страшных и запутанных событий, в которых его единственной поддержкой становится местный участковый, имеющий собственные взгляды на сельский уклад.

Содержание

1.Алексей	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Павел Шушканов

Ведьмин дом

1.Алексей

За оврагом дорога закончилась, и начались ухабы, по которым и при свете дня было бы непросто проехать. Свет фар вырывал из темноты то огромную глубоченную лужу, в которой отражалось ночное небо, от чего она казалась и вовсе бездонной, то высокие кочки, поросшие ее более высокой травой, а иногда и призрачный след колеи в мокрой траве. Наконец машина взвизгнула и прочно уселась всеми колесами в жидкую глину. Алексей заглушил мотор и сокрушенно повалился на руль. Дворники весело размазывали по лобовому стеклу грязь и останки ночных насекомых, а впереди в свете фар темнела неприступная стена древнего леса.

Не стоило ехать ночью. Алексей с тоской вспомнил придорожную гостиницу в двух сотнях километров отсюда с неплохим меню в кафе на первом этаже и очень приемлемыми ценами. Впрочем, он рассчитывал приехать еще до темноты, никак не полагая, что указателей и хороших дорог в этих местах за пределами основных трасс очень мало, а темнота обрушивается почти мгновенно, едва край солнца

скрывается за горизонтом. Хотя горизонт здесь не виден – повсюду нескончаемый высокий вековой лес, наполненный пугающими звуками и неприветливой сыростью этих мест даже при свете дня. Сейчас, казалось, деревья стали еще выше, и лес плотным кольцом смыкался вокруг безнадежно застрявшей машины.

В салон понемногу начал пробираться холод. Алексей поежился и попытался получше закутаться с рясy, которая отказывалась греть. Теплые вещи, вспоминал Алексей, были зарыты глубоко на дне чемодана в недрах багажника.

Он достал фонарик и нехотя выбрался из машины. По ногам тут же неприятно хлестнула мокрая трава, отчего стало еще холоднее.

Снаружи все казалось совсем иначе и еще безнадежнее. В ближнем свете фар поблескивали грязные лужи, а дальше все терялось в абсолютной темноте. Черный высокий лес поглощал весь свет, а на безлунном небе не было звезд. Машина, прочно увязшая в глубокой луже, была единственным островком света на многие километры, но казалось, что на миллионы этих самых километров. Алексей поежился и вернулся в салон.

Внутри машины не слышны были пугающие звуки ночного леса и завывания ветра, только мерное тиканье дворников, которые уже следовало бы отключить, но он не решался. Поэтому проблеск света впереди ему показался сперва бликом от фар на металлической части механизма. Он присмотр-

релся. Темнота и вдруг снова отблеск света, словно кто-то стремительно бежал сквозь лес с очень ярким фонариком. От такого сравнения сразу стало не по себе, но Алексей при-смотрелся снова.

За близким холмом дорога сворачивала налево и терялась в лесу, но потом снова делала резкий поворот на юг, и свет определенно был оттуда. Сквозь оголяющийся к зиме лес был виден свет фар приближающегося автомобиля. Алексей перекрестился, и улыбнувшись поспешил выбраться наружу. Встретить машину на глухой дороге в глухом лесу на самой окраине не самой населенной области – огромная удача, но в удачу он не верил.

Старый грязно-желтый УАЗ притормозил в нескольких метрах от него.

– Эй, помощь нужна?

– Если вам не сложно. Я, похоже, застрял, – ответил Алексей из темноты.

Машина подъехала ближе, и теперь он стоял в самом свете фар, щурясь и прикрывая рукой глаза.

– О, батюшка! А я уж подумал девка какая столичная заблудилась, не разглядел сперва. Сейчас, только развернусь...

УАЗ очертил широкую колею в глине и подъехал ближе. Из кабины выбрался мужчина лет тридцати в теплом свитере и брюках. На ногах еще ухитрялись поблескивать нещадно заляпанные грязью и глиной туфли. Он был коротко подстрижен и обходился без засаленной кепки на голове, вопре-

ки ожиданиям Алексея.

Минут пятнадцать ушло на поиск троса.

– Машина у вас, батюшка, так себе, хоть и нерусская, но для нашей дороги вообще не годится.

Затем неожиданный спаситель громко хлопнул багажником и ругнулся.

– Троса нет. Выложил в гараже, видимо. Вот что, – он вытер руки об свитер и заглянув в салон чужой машины похозяйски включил фары и вынул ключи, – карету вашу заберем утром. Сейчас я лучше докину вас, куда вам нужно. Договорились?

– Если не сложно, – Алексей вытащил чемодан и, согнувшись, потащил его на свет.

За холмом и правда была дорога. Вернее, подобие дороги – узкая грязная колея прямо сквозь высокий лес. Ехали не спеша, подпрыгивая на каждой кочке. Алексей держал тяжеленный чемодан на коленях и смотрел вперед.

– В Глинеевку? – спросил водитель, неопределенно махнув рукой на дорогу.

– Да. Туда.

– Немудрено заблудиться. Тут две Глинеевки. Одна в десяти километрах, но это новая Глинеевка, уже после войны построенная. На нее и указатель есть на трассе, а на эту, старую указателя нет, ищи, как хочешь. Кстати, Кирилл.

Он протянул руку, не глядя на Алексея, и тот пожал с непривычки только пальцы.

– Алексей, – сказал он.

– Это как, отец Алексей, получается? – уточнил Кирилл.

– Просто Алексей.

– Хорошо. А в наши края зачем, Алексей? Я думал, что спятил, когда на дороге увидел батюшку, да еще и на машине.

Он потер лицо руками, и Алексей украдкой взглянул на него. Красные глаза выдавали сильную усталость и длительное недосыпание. Он поежился.

– Может, я сам доберусь? – неуверенно предложил он. – Вы устали за рулем, не хотелось бы вас...

– Беспокоить? – Кирилл рассмеялся и махнул рукой. – Это вы серьезно собрались идти с многотонным чемоданом, через ночной лес? Ну, нет уж. У нас тут частенько бродят волки, и я сейчас не шучу. Мне потом пиши рапорт, как и при каких обстоятельствах...

Кирилл снова рассмеялся.

– Я здешний участковый. Живу в Сторожино за оврагом. А вы-то где остановиться собираетесь?

Алексей промолчал.

– Ладно, что-нибудь придумаем. Надолго к нам.

– Надолго, – кивнул Алексей. – В прошлом году епархией принято решение восстановить приход и открыть храм архангела Михаила в Глинеевке, а я туда отправлен на служение.

– Новым батюшкой, значит? Хотя, я так говорю, будто ста-

рый был. Церковь то до войны еще закрыли, на Пасху ездим в райцентр. Только, не маловато ли вам лет для батюшки?

Алексей не ответил на бестактный вопрос.

– В райцентре старый уже, с бородой до колен. Но это я так, разговор поддержать, не обижайтесь.

– Не обижаюсь, – обманул Алексей.

– Ох, и нелегко вам будет тут, Алексей, – вздохнул Кирилл.

Некоторое время ехали молча. Алексей смотрел на дорогу, едва угадывающуюся в высокой траве. Впереди лес расступался, и показались низкие домики села с темными окошками и покосившимися заборами. С одной стороны село спускалось к небольшой речке, а выше на холме примыкало к плотной стене леса, но все это Алексей узнал позже, а пока он видел за лобовым стеклом лишь силуэты низких построек и старый колодец под деревянной крышей. Справа проплыл маленький холм, окруженный кольцом молодых деревьев и густого кустарника. Кирилл что-то прошептал про себя и перекрестился.

– Что там? – тихо спросил Алексей.

– Не важно. Приехали.

Он остановил машину у маленького дома на окраине села, вытащил чемодан и оттащил к крыльцу.

– Батюшка, там что, кирпичи на новый храм что ли? – прокряхтел Кирилл.

После нескольких громких ударов в дверь, наконец, за-

жглось окошко и в дверном проеме показалось заспанное лицо женщины в старом пальто.

– Егоровна, открывай и ставь чай. Нового батюшку привез. Батюшку говорю! Глухомань.

Женщина охнула и скрылась в доме, а через минуту уже была в нарядной кофте и с виноватой улыбкой на лице.

Кирилл протасил чемоданы в глубь дома, в маленькую комнату с невероятно маленьким окном, которую отгораживала от гостиной пыльная занавеска.

– Располагайтесь, владыко, – усмехнулся он. – Не Метрополь, но жить можно. Утром Егоровна блинов напечет. Егоровна! Тесто, говорю, ставь!

Алексей подбежал и остановил Кирилла на руку. Он оказался на голову ниже участкового и у него был довольно смешной вид – лохматый и небритый, после дальней дороги, но без бороды и в грязной рясе.

– Мне, правда, неудобно, Кирилл. Может остановиться в другом месте?

– Ну, в райцентр в гостиницу я вас не повезу, за полночь уже, меня жена живьем съест. А хлев предложить не могу, гордыней пахивает, не находите? – он снова рассмеялся и исчез в гостиной. – Егоровна, чай готов?

Алексей тяжело опустился на застеленную кровать и посмотрел на чемодан, одиноко стоявший посреди комнаты, прямо над лампочкой без абажура, торчащей из плохо побеленного потолка. Что-то в этом всем показалось ему злове-

щим. Но, скорее всего, просто от усталости. Он на минуту закрыл глаза и не заметил, как провалился в глубокий, но беспокойный сон.

* * *

Алексей проснулся непростительно поздно и петухов не слышал, хотя, возможно, что и не было тут никаких петухов. Он все еще лежал на кровати под окном, из которого сочился свет, прямо в подряснике, но его ноги были заботливо укрыты одеялом. Чемодан стоял на прежнем месте. Хорошо, что чистая одежда там, а не осталась в машине.

Он достал икону Спасителя и маленькую лампаду, совершил утреннюю молитву. Места для иконы в комнате не нашлось, ни полочки, ни гвоздя в красном углу. Алексей положил образ и молитвослов на низкий подоконник, переделся, и аккуратно свернув перепачканный глиной подрясник, спрятал его на дно чемодана.

В доме было тихо. Он аккуратно выглянул за занавеску, затем прошел в гостиную.

Печка, вторая спальня за занавеской, деревянный комод и сервант, в котором пылилась праздничная посуда и черно-белые выцветшие фотографии. В углу умывальник с чистым полотенцем, а на столе у окна целая стопка блинов. Рядом в большом бокале уже холодный чай.

Он опустил за стол и принялся ждать.

Еще неделю назад он и не помышлял о том, чтобы оста-

вить службу в столице. Безоблачные перспективы после блестящей учебы в семинарии были не за горами. Пока не оказалось, что Господь указывает, что его место здесь, по крайней мере, пока, но надолго – в глухих лесах, в маленьком приходе, в полуразвалившейся местной церквушке. Конечно, указал на это не сам Господь, а отец Тихон, по нижайшей просьбе которого его, недавнего выпускника семинарии, отправили в самую глухую часть православного мира. Ни от всевышнего, ни от отца Тихона Алексей такого поворота дел не ожидал.

«Не расстраивайся, друг», – отец Амвросий – в миру Олег, его сокурсник по семинарии и друг.

Сейчас он сидел на шаткой скамейке и косился на стопку остывающих блинов.

– Проснулись, батюшка?

Алексей вздрогнул и обернулся. Хозяйка дома имела обыкновение перемещаться бесшумно.

– Чай совсем остыл, сейчас я вам новый сделаю. Вы кушайте, кушайте.

Новый чай был не лучше прежнего остывшего и отдавал лавровым листом. Алексей съел два блина и отпил из бокала как можно больше, изо всех сил стараясь не морщиться.

– Как спалось, батюшка? Я зашла под утро, а вы в чем были и спите, прямо на покрывале. Устали, видимо, с дороги очень.

– Немного, – признался Алексей и отодвинул бокал. – Я

слышал, что Кирилл обращался к вам...

– Егоровна? Да, я Мария Егоровна, Кириловой жены Лизы родная тетка. Они и дочку в мою честь назвали. По крайней мере, я так думаю, – она тяжело опустилась за стол, продолжая мять в руках полотенце. – Ну, точно в честь меня. Как же иначе. Маша хорошая девочка, правда, ко мне почти не приезжает.

– Мария Егоровна.

– Да, – она отвлеклась от своих мыслей и улыбнулась. Алексей вдруг заметил, что у нее разные глаза: один карий, а второй светло-зеленый с голубыми вкраплениями.

– Я благодарю вас за гостеприимство и замечательный завтрак, но мне, правда, неудобно оставаться у вас надолго. Я рассчитывал разместиться в гостинице в райцентре, пока не определюсь с жильем, но моя машина, боюсь, надолго застряла в лесу.

– Да Господь с вами, батюшка. Оставайтесь сколько нужно, из райцентра вам сюда добираться на службу не меньше часа и это если с дорогой повезет, зимой и в дождь ее вообще почти нет. А машину Кирилл вам доставит, сегодня и доставит.

– И все же, Мария Егоровна, мне неловко.

Хозяйка улыбнулась и хлопнула ладонью по столу.

– Вот что. Тут есть дом, небольшой, но чистый. После брата остался его детям, а они один в столице, другой в Канаде. Я вроде как присматриваю, но боюсь, что хозяева до конца

моего века не объявятся. Я ключик вам дам, можете жить, пока не надоест.

Она засмеялась и полезла в железную банку из-под чая, стоящую на полке по соседству с пустыми банками, видимо, за ключом.

– Не знаю, как вас благодарить, Мария Егоровна.

Их разговор прервал громкий стук в сенях, после которого в доме оказалась девушка с копной черных и густых, собранных в хвост волос. Она ойкнула на пороге и остановилась, не сводя глаз с Алексея.

– Ну, чего встала, проходи.

– Здравсти, – тихо сказала девушка, косясь на Алексея.

Алексей кивнул в ответ и привстал.

– Светлана.

– Алексей.

Света помолчала, словно ожидая услышать еще что-то. Потом улыбнулась.

– Так, иди отсюда, на улице поговорим, – полушутливо, но сурово сказала Мария Егоровна. – И ведра в сенях захвати.

– Соседки внучка, – пояснила хозяйка, когда девушка выпорхнула в коридор, – забегаешь помочь по хозяйству и поговорить и том о сем. Вы кушайте и прилягте отдохнуть, Кирилл после обеда заедет, поможет с чемоданом.

– Да я думаю пройтись, посмотреть на храм.

Мария Егоровна рассеяно кивнула.

– Да, конечно. Тут недалеко. Храм.

* * *

Утро было пасмурным и холодным, как и каждое утро в последние несколько недель. Небо затянули облака, и несильный прохладный ветер не мог их разорвать, он только шумел верхушками деревьев, да слегка колыхал траву в поле за рекой.

Поселок был небольшим, и, если бы не церковь на окраине, вовсе мог бы считаться неприметной деревенькой в лесной глуши. До войны тут было большое село, живущее, процветавшее четыре сотни лет, а возможно и больше. В упадок село пришло уже в пятидесятые, когда в десяти километрах севернее построили военный аэропорт и новый поселок, наспех названный также Глинеевкой, словно еще не оправившееся от войны село в лесах уже не существовало. В новый поселок переехало много семей, а про Глинеевку в лесной глуши стали постепенно забывать. Исчезла школа, потом почта и рынок. Пришли в запустение останки некогда богатых колхозных строений. В Глинеевке едва ли остался десяток жилых домов к тому времени, как машина нового настоятеля местной церкви застряла на лесной дороге.

Алексей вышел на центральную дорогу, на которой еще местами просматривались фрагменты асфальта. Один ее конец упирался в колодец на окраине, а второй поднимался на холм, где виднелся остов давно не работающей водонапор-

ной башни.

Дом Марии Егоровны можно было считать за начало улицы. Ниже к колодцу виднелись только несколько сараев и черное пятно от старого пожарища. Был ли там некогда дом или другое строение, сказать было невозможно. Напротив стоял покосившийся сруб с двумя окнами, занавешенными изнутри чем-то похожим на старые покрывала. К фасаду с двух сторон примыкал высокий деревянный забор, за которым свешивались под тяжестью мелких зеленых яблок садовые деревья. Сад был давно заброшен, а многие деревья давно погибли и чернели сейчас на фоне пасмурного неба причудливыми корягами, опутанными выюном и диким виноградом.

Алексей не спеша пошел по дороге, озираясь по сторонам и пытаясь угадать в каком из домов еще есть жители, а в каком остались лишь старые фотографии и мыши. Два дома впереди были точно жилыми. Один, небесно-голубой с резными окнами, был даже окружен палисадником. Правда, розы были чахлыми и уже мало напоминали о своем декоративном виде. Второй, был тщательно побелен, а в маленьких окошках виднелись комнатные цветы. У забора стоял старик, опираясь на самодельную трость. Алексей кивнул ему в знак приветствия, но тот даже не шевельнулся.

Вдоль дороги росли высокие деревья, местами склоняющие ветви почти до самой земли. Обломки старых сучьев валялись здесь же, и только возле еще жилых домов были ак-

куратно свалены в высокие сухие кучи. В основном тут росли старые клены, но кое-где встречались еще и белые стволы тополей.

С пригорка, где дорога раздваивалась, образуя еще один спуск, но к реке, Глинеевка была удручающим зрелищем. Еще прочные, хотя, может уже и не жилые дома, теснились к главной улице, а ближе к лесу из высокой травы торчали только покосившиеся крыши и остатки стен с пустыми глазницами окон. Даже тропинки, если они и были, уже давно потерялись в бурьяне. На перекрестке стоял единственный магазин с наглухо закрытой дверью – видимо работал не всегда, а ниже виднелись еще пара домов и бревенчатый мост через речку. На обратном берегу за низкими деревьями виднелся крест над давно не крашенным куполом старой церкви.

Алексей не спеша стал спускаться вниз по глинистой и неровной дороге, боясь оступиться и улететь кубарем под откос. На пути не встретилось ни души, словно село вымерло и кроме него – одинокого путника в черной рясе, не осталось никого. От такой мысли он вздрогнул и обернулся. И тогда он увидел дом, который можно было и не заметить, проходя мимо. Он стоял в стороне от дороги за низким и нескладным строением магазина. На обитых досками стенах еще сохранились следы краски, но от сырости и времени они уже давно потемнели, из-за чего дом казался черным и нежилым. Его крышу местами покрыл мох, а веранда перед входом угро-

жающе перекосилась, грозя рухнуть на незваных гостей. Вокруг росла высокая пыльная трава, до половины закрывая окна, и, если бы не узкая тропинка к входной двери, можно было посчитать, что дом давно заброшен. Его маленькие окна прикрывали тряпки. Алексей не сразу понял, чем его привлек этот дом. Сначала было просто ощущение, что дом наблюдает за ним, таращится своими окнами на случайного путника, а потом он заметил, что тряпки на окнах колышутся, словно кто-то торопливо задернул их изнутри.

Он сделал было шаг ближе, замороженный странной красотой запустения этого дома у обочины, когда заметил, что край занавески, если это была занавеска, приподнялся и опустился снова. Затем в соседнем окне между пыльными тряпками образовалась щель, достаточная для человеческого глаза. Кто бы ни был в доме, он явно проявлял любопытство к прохожему. Алексей неловко потоптался на месте, не решаясь уйти.

– Батюшка! Пойдите, – окликнул его кто-то за спиной.

Человек в распахнутой куртке и в сапогах торопливо спускался к нему с пригорка. Он был плохо выбрит, а пепельные волосы на ходу приглаживал рукой. Его непропорционально тощая красная шея с выдающимся кадыком торчала из растянутого ворота свитера и, казалось, с трудом держала косматую голову.

– В церковь? – спросил он, остановившись в метре и закурив.

Алексей кивнул.

– Ну, я так и решил, что в церковь. Смотрю, поп идет, думаю – в церковь, наверное.

Он продолжал торопливо курить, словно спешил. А предстатье он не спешил вовсе.

– Вы хотели спросить что-то?

Человек фыркнул, насколько позволяла сигарета в зубах и покачал головой.

– Говорю же, смотрю идет батюшка, в церковь видимо. Вот я и подошел.

– Понятно.

Алексей уже хотел вежливо попрощаться, когда незнакомец вдруг бросил под ноги недокуренную сигарету и выхватил из пачки еще одну.

– А то может и не надо ходить-то, батюшка?

Алексей не понимаяще мотнул головой.

– Что?

Незнакомец снова ухмыльнулся.

– Может, говорю, в церковь-то не надо вам? Что вам там делать-то, а? В церкви-то.

Алексей развернулся и пошел дальше по тропинке к мосту, стараясь не прибавлять шаг. Настроение утренней безмятежности было изрядно подпорчено.

– Может, – не унимался голос позади, – оно и без церкви хорошо, батюшка? А?

И в селе, как и в городе, полно своих ненормальных. Толь-

ко в столице их побольше и выглядят они иначе.

Вспомнив о Москве, он спохватился – не забыть бы позвонить Олегу – называть его Амвросием он еще не привык, рассказать, как добрался и какая тут на самом деле глушь. Что бы не говорил отец Тихон о смирении, служении людям и испытаниях, со столичным приходом тут не было ничего общего, словно разные миры. И меньше всего Алексей был уверен, что продержится тут хотя бы месяц. Сами то отец Тихон остались в столице, в чистом и сверкающем великолепием храме Преображения! Впрочем, и Олега не сослали в сибирские скиты или куда подальше нести Слово Божье, а оставили при московской епархии.

Алексей вдруг поймал себя на мысли, что злится. Он разжал кулаки и долго смотрел на следы от ногтей на ладонях. Нельзя так. Может, отец Тихон и был не прав, но не стоит начинать свою первую службу со злости к людям. В конце концов, не до глубокой же старости ему быть настоятелем в церкви умирающего села Глинеевка.

А вот и церковь. Сразу за мостом, с каждым шагом, ее купол поднимался из-за соснового бора, а с высокого берега реки она была как на ладони – посреди поляны на невысоком холме между стеной леса и бором. Поляна заросла травой и к крыльцу храма не вела ни одна тропа.

Храм был небольшой, как порой бывает в старых селах, когда среди полумертвого поселения ты вдруг видишь колоссальный собор, возведенный некогда уже забытым гра-

фом или купцом, где под сводами давно живут лишь беспечные голуби. Но не был он и маленькой церквушкой, что любят строить провинившиеся в жизни владельцы «Феррари» или в роде тех, что порой ютятся в старых кварталах городов за большими соборами. Со стороны реки был виден высокий одинокий купол и крест, а за ним колокольня, часть которой давно обрушилась. Издалека стены казались ровными и белоснежными, но Алексей знал, что вблизи увидит облупившуюся штукатурку, вездесущий мох, следы от сотен ливней, хлеставших пустые ожидающие стены все эти годы.

Алексей взглянул на непокорный крест, за столько лет даже не покосившийся, трижды перекрестился и стал потихоньку пробираться к заброшенному храму.

Трава тут была почти по пояс, еще мокрая после недавнего дождя. Недалеко от крыльца из зарослей выступали остатки низкой ограды с проржавевшими петлями. Половинка ворот еще болталась на изгороди. Крыльцо было совсем рядом, но Алексей не спешил. Он медленно шел вокруг храма, осматривая его состояние.

В прочных стенах не было трещин, хотя большая часть штукатурки давно облупилась. По северной стене мох добрался почти до самого купола, туда, где из стен проглядывали ростки молодых деревьев. Алексей приложил ухо к холодной шершавой стене. Тишина. Толстые стены храма много лет оберегали внутренний уют и убранство, ожидающие нового настоятеля, новых прихожан. Алексей улыбнулся.

ся своим мыслям. Скорее всего, внутри такое же запустение. Он прошел дальше и наткнулся на обломки кирпичей. Видимо, сюда обрушилась часть колокольни, чудом не задев крышу. В стене виднелась маленькая, наглухо заколоченная дверь.

За храмом было видно, как лес и сосновый бор смыкались в отдалении, но от самой церкви до лесной чащи простиралась поляна, поросшая бурьяном. Из травы тут и там проступали остатки оград и покосившихся крестов. Старое кладбище. Вероятно, тут хоронили еще в то время, когда храм действовал, но с тех пор не осталось уже ни воспоминания о тех, кто тут покоился, ни о тех, кто их хоронил.

Шагнуть за ограду кладбища Алексей не решился. Он вернулся по уже протоптанной дорожке к крыльцу храма и встал у его дверей.

Над входом едва различимо виднелся образ архангела Михаила – белоснежный на бледно-синем фоне. Алексей вновь перекрестился и подошел к закрытой, но не заколоченной двери.

Вот и все. Он ожидал и боялся этого момента. Словно все до этого: семинария, разговор с отцом Тихоном, дорога из столицы, происшествие в лесу – было не настоящим, просто розыгрышем. Сейчас раздастся звонок, и веселый голос отца Амвросия скажет, что его возвращают в Москву, а потом останки умирающей Глинеевки скрываются за поворотом дороги. Всего этого он ожидал до этого момента, пока не

коснулся дверей храма. Пока они, пронзительно скрипнув, не пустили его внутрь. Теперь все по-настоящему. Он настоятель храма архангела Михаила.

Внутри стонал и свистел ветер, изредка доносился шелест крыльев. Огромный купол, а отсюда изнутри он казался еще выше, хранил остатки росписи, как и потемневшие от времени стены. Конечно, никаких следов прежнего убранства не сохранилось. Часть образов была сбита. Видимо тут планировалось сделать склад в свое время или отдать помещение под какие-либо другие нужды, но село пришло в упадок и старый храм оставили в покое. Как ни странно, но частично уцелел алтарь, по крайней мере, то, до чего не удалось добраться охотникам за иконами. В иконостасе зияли пустые дыры от вырванных образов. Из-под купола печально смотрел образ Спасителя.

Алексей посмотрел на свои пустые руки. Следовало провести вечернюю службу, раз уж он тут, а для этого он ничего не захватил с собой. Даже веника и полотенец, чтобы немного прибраться у алтаря. Он опустился на ступени и вдохнул полную грудь воздуха, словно пытаюсь уловить хоть малейший запах ладана или горящих свечей. Все утрачено, только пыль и запах сырой штукатурки. Под куполом вспорхнули и закружили над ржавой люстрой пара голубей. Один уселся на иконостас и уставился на непрощенного гостя.

Некстати зазвонил телефон и вывел его из грустных раздумий. Алексей напомнил себе всегда выключать звук,

неуместный под куполом храма.

– Да!

– Благословите, отец Алексей.

– Бог благословит, отец Амвросий.

Алексей и не представлял, как обрадуется, услышав знакомый голос.

– Как добрался, где устроился?

Алексей было хотел выдать огромной тирадой приключения последних дней, но неожиданно для себя сказал:

– Все хорошо. Готовлюсь совершить службу в храме апостола Михаила.

– Господь в помощь. Первая самостоятельная служба.

Алексей улыбнулся.

– Верно. Первая.

– Обязательно позвони потом, расскажи. Я передам отцу Тихону. Вечером как раз вижусь с ним, передам, что отец Алексей спрашивал молитв.

Об обиде на епископа, Олег догадывался, но высказать догадку не решался.

– Расскажи о пастве, – вкрадчиво произнес Олег. – Я помню о твоём решении не принимать схиму, а значит, на венчании твоём я буду первый гость. Не за горами, а, отец Алексей?

Алексей засмеялся.

– Ты портил беседами о девушках все лекции в семинарии, все семь лет, что мы знакомы и даже этот очень, кстати,

важный для меня момент. Спасибо тебе, что, получив сан, ты, по крайней мере, стал тактичнее.

– Всегда пожалуйста, дорогой друг.

Алексей не заметил, как за беседой поднялся по винтовой лестнице на колокольню. Тут дул прохладный ветер, зато вся Глинеевка как на ладони и даже дом Марии Егоровны можно разглядеть.

– Что у тебя там, духовой оркестр? – слышалось в трубке.

– Нет, просто ветер. Колокольня немного повреждена, хотя храм уцелел за столько лет. И знаешь, что странно?

– То, что ты не ушел оттуда пешком в Москву до сих пор? – предположил Олег.

– Нет, подожди. Кое-что действительно странно.

Он смотрел с колокольни на старое кладбище, на котором не хоронили уже добрые полвека. Отсюда его было видно от начала у соснового бора и до самых стен храма. Оно все заросло высоким бурьяном, кроме одного места. В самый центр из лесной чащи вела хорошо протоптанная в траве тропа, которую, конечно, не было видно от стен храма.

***

К полудню приехал Кирилл и помог перенести вещи в новый дом, который оказался, хоть и не на главной улице, а ближе к лесу, среди безлюдных строений, зато ближе к мо-

сту и к церкви.

– Нет, ну там точно гири, святой отец. Вы, верно, тренажерный зал открываете, а не приход.

Алексей только улыбнулся. При свете дня шутки Кирилл не так задевали, да и сам Кирилл выглядел менее устрашающе. Сегодня он был почти по форме – китель поверх клетчатой рубашки и форменные брюки, заправленные в сапоги.

Они проезжали по пустой улице на машине Алексея, которую участковый ухитрился извлечь из грязи. Видимо за этим и потребовались сапоги. Пустая улица, ни собак, ни кошек. В луже у фонарного столба купались две вороны, разбрызгивая грязь и угрожающе топорща крылья.

– Никого нет, – заметил Алексей.

– А кто вам нужен? Тут жильцов не густо, да и погода так себе.

Это было верно. С серого неба начинал крапать дождь.

– И вам бы не выходить, Алексей. Попейте чаю, и ложитесь спать. Ну, или книжку там какую почитайте.

Алексей не ответил. Он смотрел на дорогу в боковое зеркало. У фонарного столба стояли две старушки, опираясь на короткие трости, ровно там, где он видел барахтающихся в луже ворон. Под черными платками не было видно лиц, но смотрели они явно вслед удаляющейся машине.

– Не по себе мне тут, – признался Алексей.

– Мне тоже, – хохотнул Кирилл и достал сигареты. – Курите?

– Да вы что!

Кирилл пожал плечами.

– Просто спросил. Всякое же бывает. Я вот тоже не курил, пока сюда не переехал.

Они свернули на узкую дорогу к лесу. Позади остался местный магазин.

– А кто живет в том доме? – внезапно для себя спросил Алексей.

– В котором? В облезлом впереди? Вы, батюшка.

– Нет, я про дом с маленькими окошками за магазином.

Кирилл поджал губы и посмотрел во все зеркала, словно мчался по московскому шоссе, а не заброшенной деревенской улице.

– А что случилось?

– Просто, любопытно.

– Таисия Несторовна там живет. А вот мы и приехали. Скажите мне, честный отче, кто вам с чемоданом в столице помогал? Явно не один взвод солдат.

Маленький дом выглядел чистым, хотя палисадник и двор давно заросли сорняком. Трава выросла почти до окон, только от калитки до крыльца виднелась узкая вытоптанная тропинка.

Кирилл поковырялся ключом в замке и торжественно распахнул дверь.

– Прошу!

В доме было светло и чисто. За сенями находилась ма-

ленькая комната с печкой, а сразу за ней гостиная и маленькая отгороженная спальня, примыкавшая к стенке печи. В углу пустой сервант, рядом большой стол и пара кресел, за перегородкой в спальне узкий диван с прикроватной тумбочкой. На стенах несколько старых картин и выдавший немало ковер. Над массивной хрустальной вазой с останками камыша висел календарь на 1986 год.

– А тут уютно, – заметил Кирилл. – Печь топить умеете?

– Нет.

– Значит, в октябре зовите в гости. Кстати, вот мой номер, – Кирилл протянул бумажку с криво нацарапанными цифрами, – это если что. Тут, в общем то спокойно, последнему из шальной молодежи намеренно семьдесят стукнуло, но на всякий случай держите под рукой.

Алексей кивнул.

– А это что? – спросил он, кивнув на блюдо у печки.

Там лежала пара засохших пряников и дешевых конфет. Рядом стоял пустой стакан.

– Это? Егоровна постаралась. Домовому, чтобы не обижался и не ушел, дождался новых хозяев, так сказать.

– Ага. Домовому значит.

– А что?

Алексей выразительно посмотрел на Кирилла, но тот только развел руками.

– Ну, не я тут это поставил. У меня свой дом есть.

– Тоже с домовым?

– Естественно. Мы, батюшка, не так умны, чтобы возить с собой целую коммунальную службу, – он кивнул на чемодан. – Обходимся подручными средствами.

Алексей только вздохнул и принялся убирать подношение. Кирилл некоторое время наблюдал за его действиями, затем сказал:

– Ладно, развлекайтесь. Если понадобится, я на связи.

Алексей кивнул и пожал ему руку.

– Спасибо вам за помощь и за машину.

– Всегда пожалуйста и закройте за мной дверь.

Оставшись один, Алексей принялся наводить в доме порядок, но вскоре забросил это дело и, потащив к дивану чемодан, начал раскладывать вещи. Он аккуратно разложил чистый подрясник, епитрахиль и новую ризу, установил в красном углу образы Спасителя и Богородицы, для чего пришлось передвинуть стол. На дне чемодана лежали книги и скромный пакет с личными вещами. Остальное он рассчитывал купить здесь, не учтя странный график работы сельских магазинов.

Ничего съедобного среди вещей не оказалось, и Алексей с грустью начал вспоминать стопку горячих утренних блинов. Но не ходить же целыми днями по гостям, в самом деле. Он принялся рыться по полкам в маленькой кухне у печки и нашел полпачки гречи и соль, если не считать банку с совсем уж бледным и сухим горохом.

– Да, – тихо сказал он, – у домового меню на сегодня по-

лучше.

В голову некстати лезли воспоминания о последнем обеде с приятелями, когда Олег, славящийся вреди прочего особыми кулинарными способностями, приготовил уж совсем неприлично роскошный обед.

«Прости, друг», – говорил он, – «но в таком мегаполисе, как Глинеевка ты поешь нормально уже очень нескоро».

«Может пойдет на пользу», – предположил Алексей.

«Это вряд ли. Тощих священников в таких местах паства не любит».

– Как в воду смотрел, – снова прошептал Алексей и полез в сени искать дрова.

Каша варилась медленно, а за окном стремительно темнело. Маленький дом уже не казался таким уютным, как прежде. Желтые старые обои навевали тоску, а свет единственной лампочки был слишком тусклым для таких стен. И слишком тихо в доме для привыкшего к городской суеде огромного мегаполиса, где даже ночью все вокруг было наполнено звуками и светом. Наверное, так чувствует себя в первый день монах, оказавшись в келье. Хотя, сложно было представить, Алексей никогда не помышлял стать монахом. Он и в семинарию поступил лишь по настоянию отца – настоятеля храма святого Николая Чудотворца в приходе в миллион раз большем, чем этот.

С каждой минутой тишина становилась все более злоеющей, а от внезапно напавшего страха желтая комната с туск-

лой лампочкой плыла перед глазами. Казалось, вот-вот выглянет из спальни огромное волосатое лицо обиженного домового и скроется снова, так же тихо. От этих мыслей холодные мурашки побежали по спине, и больно скрутило где-то в животе. Хотелось встать и бежать как можно дальше, оставив распахнутыми двери. Бежать по пыльной дороге, через лес, через овраг, по яркому шоссе, пока впереди не покажутся золоченые купола московских храмов.

Каша затрещала и распространила угрожающий запах гари. Обжигая пальцы, Алексей поспешил снять ее с печи, стараясь не упускать из поля зрения пугающую комнату.

Ел на кухне не замечая, что каша подгорела и без масла почти несъедобна. Зато с каждой ложкой чувствовалось, что возвращается умиротворение и внутренний покой. А потом, когда он внезапной еды навалилась тяжесть, он прилег на диван, заставив себя зайти в комнату и вскоре уснул, так не сняв подрясника и не выключив свет.

* * *

Алексей шел по полю, наслаждаясь свободой бескрайних просторов и свежим ветром, слегка волновавшим мягкую сочную траву. Светило утреннее солнце и не заходило уже добрый десяток лет, пока он, не считая шагов и не чувствуя усталости бежал к далекому горизонту. Ряса колыбалась на ветру и казалась невесомой, как шелк, только еще легче. Ка-

залось, что выросли крылья. А может и права выросли. Он попытался взлететь, но не смог. Черный ухоженный пес держал его за край рясы. Как странно, бродячий, но ухоженный пес. Его короткая гладкая шерсть блестела на солнце, а глаза он скрывал, низко наклоняя голову. Алексей отвернулся и пошел торопливым шагом, надеясь, что пес отстанет. И правда, пса не видно, только лес вокруг, а за деревьями золотые купола собора. Он рад бы идти, но тропинки туда нет, все в бок и назад, как не старайся. И что-то мокрое тычется в ногу. Это собачий нос, хотя пса и не видно. Он все время сзади, сколько не оборачивайся.

«Попросил что-нибудь?», – спрашивает пес и вдруг убегает в лес, мягко куснув за лодыжку. Так мягко, что ни боли, ни крови нет, только холодно становится, потому что солнце уже в зените и от него веет холодом.

Алексей бросается вперед, прямо на деревья, чтобы вырваться из леса, а это не деревья вовсе – это бревна. Одно к одному, как сруб. Он смотрит в щелку между ними, а впереди пыльная дорога к мосту, угол магазина и старый дом с палисадником. Он внутри дома за магазином! Только не оборачивайся! Он стучит по бревнам, пытаясь выбраться, пытаясь пролезть на свет в узкую щель, но кто-то сзади мягко тянет его назад за край рясы.

Беззвучный крик во сне становится настоящим, и Алексей открывает глаза. За окном еще ночь, только свет лампочки сочится из комнаты.

* * *

Ничто так не отгоняет ночные кошмары, как яркое солнце утром, растворяющее отголоски беспокойной ночи и вселяющее надежду, что новый день будет безупречно хорошим.

Но в этот день солнца не было. С утра лил дождь, а Алексей проспал утреннюю службу и теперь сидел на веранде, кося себя за это и прихлебывая теплую воду из кружки. Рядом лежал телефон, но никому не хотелось звонить, особенно Олегу, который обязательно отпустит пару шуток, прежде чем утешить и возложить всю вину на жуткую ночь. Участковый Кирилл сделает то же самое.

Алексей допил кипяток и начал размышлять о вероятности того, что магазин сегодня будет открыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.